

Двадцать лет российской трансформации. ПОЛЕ СОЦИОЛОГИИ: ДИЛЕММА АВТОНОМНОСТИ И АНГАЖИРОВАННОСТИ В СВЕТЕ НАСЛЕДИЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

Автор: А. Г. ЗДРАВОМЫСЛОВ

Поле социологии

При изучении истории любой из гуманитарных дисциплин, будь то философия, литература, психология, социология, в определенном смысле экономическая наука, исследователь зачастую исходит из той предпосылки, что предметная область соответствующей области знания остается более или менее однородной. Из этой предпосылки вытекает и метод изложения соответствующей области знания: своего апогея эта область достигает в трудах классиков, набор которых остается более или менее постоянным. Созданные классиками парадигмы остаются неизменными. Дальнейшее развитие дисциплины рассматривается лишь как распространение соответствующей области знания через систему образования и как уточнение парадигмальных положений применительно к некоторым частным вопросам.

В числе современных авторитетов в области социологии первые места, как известно, занимают М. Вебер, Э. Дюркгейм, в некоторых случаях в этот ряд включается и имя К. Маркса. При этом метафизический смысл социологии остается неизменным: она выступает как макросоциология, представляющая широкий взгляд на общество и на волнующие его проблемы. Следовательно, в этой интерпретации социология обладает мировоззренческими функциями. Кроме того, уже на более низком уровне (как совокупность теорий среднего уровня и прикладных направлений) она обладает четко выраженными менеджериальными функциями (поставляет информацию, необходимую для управления обществом в целом или отдельными его подсистемами). Будучи обращенной к индивиду, социология помогает сформировать ценностные ориентации, содействовать рационализации жизненных выборов. Благодаря последнему обстоятельству она выступает средством воспроизводства (или отвержения) существующих отношений. Главное в таком понимании предмета социологии состоит в том, что предмет дисциплины рассматривается как более или менее стабильный. Это каркас системы, которая сама по себе достаточно устойчива и воспроизводится в основном массиве учеб-

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант N 03 - 03 - 00073а).

Здравомыслов Андрей Григорьевич - доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

ных курсов, в тематике статей в ведущих социологических изданиях, в тематике защищаемых диссертаций [Константиновский, Овсяников, Покровский, 2004] .

В очерченном выше взгляде на предмет социологии опускается один весьма существенный момент. Суть его состоит в *изменении самого смысла того, что называется "социологией" - то есть "наукой об обществе"*. Если внимательно присмотреться к тому словоупотреблению, с которым мы сталкивались на протяжении социологической биографии шестидесятников, то легко заметить, что одно и то же слово скрывало в самом себе весьма разное содержание. А от того, какой из смыслов принимается за основной, зависит и содержание всех остальных дискуссий, разворачивающихся в поле социологии.

Стоит остановиться на базовых составляющих *смысла* социологии. Во-первых, что есть *общество!* Система надличностных отношений, не сводимая к индивидуальным действиям, или совокупность (сумма) индивидов, наделенных биологическими и социальными стремлениями? Во-вторых, что есть *знание* об обществе и каково соотношение между социальной теорией, социальным мышлением и социологией? Что такое *самосознание* общества, на формирование которого социология имеет определенное притязание? Где расположен *орган самосознания*, и как этот орган соотносится с "государством", "гражданским обществом", "совокупностью ученых мужей", называющих себя социологами и предлагающими от лица "своей науки" или более широкого комплекса социальных и гуманитарных наук способы осмысления общества¹ ? А может быть, этот орган самопознания заключается в совокупной продукции средств массовой информации или в результатах систематически организованных опросов (мониторинга) общественного мнения? Или избранные мужи на основании демократических и нефальсифицированных выборов получают наибольшее право говорить от имени общества, представлять его и объявлять именно себя экспертами во всех насущных социальных проблемах?

Этот поворот в сторону онтологического и гносеологического содержания исходного термина вынуждает отказаться от широковещательных притязаний относительно знания общества в целом неким абстрактным разумом и остановиться более детально на частных вопросах изменения и формирования поля социологии. Я избираю понятие "поле социологии" как гораздо менее определенное, чем понятие "предмет социологии". И такая неопределенность позволяет остановиться на подвижности, изменчивости границ и содержания социологического знания. Я с глубоким уважением воспринимаю идеи его автономности, поскольку вся моя жизнь была связана с созданием профессии. Но вместе с тем я и мои коллеги пережили те взаимодействия социологии и власти, социологии и культуры, социологии и реальной экономики, без которых не происходило ни одно движение социологической мысли. Несомненно, что социология есть *форма самопознания общества*, и следовательно, она представляет собою тот *ресурс изменений общественной жизни и общественных институтов, который сосредоточивает в себе способы рационального осмысления социальных проблем*.

Однако сами эти формы самопознания радикально менялись в ходе переживаемых нами революций и реформ, войн и перемирий, модернизаций и трансформаций. Вступление в каждый новый этап означало необходимость нового взгляда общества на самое себя. А это значит, что социология и социологическое мышление приобретали новые параметры в своем собственном содержании. Так, современное понимание социологии включает представление не столько об обществе, сколько о социуме, то есть о тех компонентах общественной структуры, с которыми данный индивид непосредственно соприкасается. Кроме того, необходимым компонентом современного понимания предмета является представление о микросоциологической революции - о том, что фокус социологического знания все в большей мере концентрируется на проблемах построения

¹ Этот вопрос поставлен А. Филипповым в его социологии пространства.

личностного мира, не сводимого к групповым или институциональным классификациям (подробнее см. [Ионин, 2005]).

Рассматривая расширение поля социологии, констатируя все большую прозрачность границ и новую расстановку акцентов в определении предмета дисциплины, следует предостеречь от упрощения, при котором зависимость социологии от политики была бы интерпретирована в том смысле, что политика задает рамки социологии. Да, социология в России даже в своих первоначальных формах была всегда весьма политизированной областью знания. Однако ангажированность по отношению к политике - далеко не всегда препятствие развития общественного самосознания. Наоборот, именно в этом качестве общественного самосознания социология не может обходиться без известной доли ангажированности, заинтересованности в делах общества. Достаточно вспомнить А. Герцена - мыслителя, который первым в XIX в. представил развернутую картину жизни и российского, и европейского общества.

Понять такое общество, как Россия, возможно только на основе ее собственного исторического развития, ибо отношения и взгляды людей на самих себя и на жизнь общества не уходят в прошлое бесследно. Они живут в каждом новом поколении, приспосабливаясь к инновациям современности, перерабатывая для себя новый - свой собственный - исторический и жизненный опыт, опираясь на тот инструментальный и аппарат понимания, который был создан в культуре предшествующими поколениями, предшествующими формулами языка, на словарный запас, уже находящийся в обращении. В этом одна из кардинальных дилемм социального мышления: оно не может освободиться от сложившихся форм мышления в тех же масштабах и темпах, которые сопряжены с изменением жизненных практик. И в то же время оно не может существовать без постоянного обновления того, что называется социологическим дискурсом.

Поэтому социология представляет собой поле теоретической деятельности, на котором сталкиваются старые и новые представления о жизни людей и социума. Столкновение позиций стимулирует поиск аргументов, которые, как предполагается, опираются на прочное основание эмпирического знания. И создание этой эмпирической базы, как и ее интерпретация, входит в круг социологических задач. *Специфика социологического мышления состоит как раз в постоянном движении от теоретических постулатов и предположений к фактическому материалу, а затем вновь к восхождению от эмпирического знания к построению теории.* Социология - постоянный дискурс, в котором общество (в лице социологов) осмысливает вызовы современности, но осмысление вызовов нельзя смешивать с самой реакцией общества на эти вызовы, которая относится к иной сфере деятельности - к политике и использованию власти.

Социология создает мыслительный аппарат - специализированный язык, обеспечивающий дискурс по поводу данных вызовов. Это касается как новой, так и традиционной проблематики, как фундаментальных вопросов социологической теории, так и злобы дня. Речь идет о проблемах глобализации и мультикультурализма, демократизации и авторитарности, терроризма и практик насилия, открытости современных обществ и их культурной обособленности, преодоления границ и наличия языковых барьеров, преодоления массовой нищеты и достижения невиданного в прежние времена роста потребностей и форм потребления, столкновения государственных, классовых, социальных интересов и необходимости выработки ценностного согласия как условия мирного разрешения вновь и вновь возникающих конфликтов. Вместе с тем каждый участник данного дискурса представляет в нем собственную точку зрения, опирающуюся не только на владение этим языком, но и на свой собственный жизненный опыт, являющийся, по сути, интимным источником теоретизирования, по крайней мере, в области социологии.

Опыт поколений

Историю нашей области знания, так же как и историю нашей страны, невозможно представить себе на основе образа восходящей прямой. С какой бы точки ни начинать рассмотрение проблемы становления поля социологии, везде мы встречаемся с рывки-

нами и ухабами, определяемыми главным образом политической ситуацией, весьма радикальными изменениями политического климата в стране. Именно поэтому ставить вопрос об автономности социологического знания применительно к российской ситуации в тех же формах и в той же степени, как, например, во Франции или США, представляется не вполне уместным.

Наше поколение социологов формировалось как поколение, несравненно более политически ангажированное, нежели поколения сверстников в более благополучных странах. По этому поводу некоторые из наших молодых коллег позволяют себе усмехаться. Но ведь каждое поколение строит свою судьбу в тех рамках, которые задаются наличными общественными и политическими отношениями, сложившейся системой институтов (подробнее см. [Козлова, 1996]). Опыт каждого из поколений включал в себя решение самых разных задач и, как правило, отвечал на мобилизацию своим активным или пассивным участием. Поколения, родившиеся в годы коллективизации, в предвоенные и военные годы, не были создателями советского общества. Они были его собственным населением, связанным кровно с уже утвердившимися социальными структурами. Проблема массовых репрессий касалась, главным образом, поколения их предков. И степень жертвенности и опасности во многом определяла различие мировоззренческих позиций.

В послевоенном поколении лояльность по отношению к сталинскому режиму была главным условием получения высшего образования и вообще какой-либо научной и исследовательской деятельности. Этот режим опирался на довольно стройную систему теоретических постулатов, которая поддерживалась и охранялась государством и его карательными органами. При этом в системе образования сталинская версия марксизма-ленинизма преподносилась как откровение, сомнение в котором было просто бессмысленным, чреватым исключением из университета, тюрьмой и ссылкой. Усвоение этой системы постулатов для каждого отдельного учащегося выступало как основание жизненных ориентиров, то есть было, по сути дела, предпосылкой нормальной социализации. С помощью этой системы воспроизводилась определенная картина взаимоотношений личности и общества, доказывался приоритет общественного начала перед индивидуалистическим и личным, прививались идеи освобождения людей труда от эксплуатации, построения общества социального равенства, гуманизма, воспитания всесторонне развитой личности, распределения по труду, а в перспективе - "по потребностям". Все эти положения выдвигались в качестве основ ценностных ориентиров сознания "человека советского". Эта система ценностей отвергала стяжательство и равнодушие, презрение к труду и людям труда, демонстративное потребление, расовые и националистические предрассудки как антиценности, с которыми все общество было призвано вести борьбу.

В то же время официальная доктрина не позволяла воспринимать общество в его многомерных характеристиках. Исследования девиаций различного толка, причин преступности и бюрократизма, реального социального неравенства и более всего - механизмов функционирования власти были под запретом².

60-е годы - создание ресурса перестройки

XX съезд КПСС пробил первую брешь в апологетическом стиле социального мышления. Именно период оттепели характеризуется восстановлением в советском обиходе термина "социология". Речь шла не только о термине, но и о создании первых гласных институтов, задача которых состояла в производстве социологического знания. Разумеется, как научный, так и, тем более, политический плюрализм в то время еще не мог

² Пионерами в этих областях социологии выступили В. Кудрявцев, разрабатывавший социологию преступности, и Я. Гишинский - теоретик и исследователь различных форм девиантного поведения. Тот и другой получили юридическое образование в советских вузах.

быть принят. В методологическом плане основания социологического знания ориентировались на освоение ранних работ Маркса, на идею "восстановления ленинской интерпретации марксизма". Влиянием стали пользоваться зарубежные марксисты, например А. Грамши как выдающийся политический мыслитель XX в. И все же в философской и социологической литературе того времени возникла острая дискуссия о соотношении исторического материализма (марксистской философии истории) и социологии.

"Правое крыло" допускало термин "социология", но вместе с тем настаивало на тождественности социологии и исторического материализма. Противоположная позиция состояла в автономизации теоретического содержания социологии. Социология рассматривалась здесь как эмпирическая *наука* (строящаяся на "фактах", а не на философских предпосылках, каковы бы они ни были), стоящая "над обществом" (то есть производящая факты на основе собственного - неидеологического - понимания эмпирии), вооруженная количественными методами, опирающаяся на методологию системного анализа³.

Промежуточная позиция состояла в разделении гносеологических функций исторического материализма и социологии. Исторический материализм рассматривался как марксистская философия истории, теория общественно-экономических формаций и учение о движущих силах общественного развития. Социология трактовалась как эмпирическая наука, ориентированная на исследование социальных проблем. Она должна была опираться на исторический материализм для обоснования своих исследовательских намерений, а также использовать именно эту систему отсчета для интерпретации полученных данных. В этих пределах и в этом качестве социология претендовала на ограниченную автономию.

Рассмотрим в этом контексте содержание настольной книги каждого социолога 1960-х гг. "Человек и его работа", изданной в 1967 г. и вошедшей в список лучших книг по социологии XX в., составленный Международной социологической ассоциацией [Человек... 2003]. Во-первых, замысел работы формулируется авторами на основе *марксистской платформы*, ее тезиса о превращении труда в первую жизненную потребность. Во-вторых, их интересуют *препятствия* на пути осуществления этой тенденции. В-третьих, они ставят перед собою задачу *измерения* расстояния до цели. При этом выдвигаются две конкурирующие гипотезы. Первая состоит в том, что главным препятствием развития трудовых отношений выступает состояние материально-технической базы советской экономики, явно недостаточное для превращения труда в первую жизненную потребность, для его преобразования с точки зрения реального содержания. Именно в этой связи в исследовании осуществляется районированная выборка шести профессиональных групп, отличающихся друг от друга характером и содержанием трудовых операций, которые диктуются уровнем применения механизации и автоматизации производства.

Кроме того, авторы не сомневаются, что "распределение по труду" - принцип организации труда в современном им обществе, и в то же время они понимают, что этот принцип не реализуется на практике. Именно данное обстоятельство - недостаточное внимание к теории в практике организации труда и распределении - одно из основных, согласно второй гипотезе, препятствий в осуществлении перспектив социального развития общества.

Охарактеризованные гипотезы, как очевидно, методологически опираются на марксистскую систему мышления. Однако методы их проверки включали в себя использование методик, разработанных в западной, прежде всего американской, социологии. В соответствии с правилами эмпирической социологии мы операционализировали само понятие "отношение к труду", разложив его на три составляющие: отношение к работе, отношение к профессии и понимание социальной значимости труда. Анкета, проведенная среди 2665 молодых рабочих ленинградской промышленности, была составлена с

³ Именно такая позиция была зафиксирована в известных тогда лекциях Ю. Левады.

учетом этих параметров, что позволило решить две базовые задачи: сравнения показателей удовлетворенности работой, профессией и понимания смысла трудовой деятельности в группах, различающихся между собой по характеру и содержанию труда, и кроме того сопоставления этих показателей отношения к труду в зависимости от уровня заработной платы. Кроме того, была разработана методика выявления роли различных составляющих рабочей ситуации в формировании отношения к работе в рамках однородных по содержанию труда групп.

Попробую подвести итог этому исследованию с точки зрения автономности профессиональной деятельности и политической его ангажированности. Несомненно, что в лице лаборатории социологических исследований мы имели автономную профессиональную структуру. Мы сами определили тематику исследования, разработали исходные гипотезы и инструментарий, собрали материал, осуществили его анализ и представили его как нарождающемуся социологическому сообществу в стране, так и одновременно - международному сообществу. В результате мы получили достаточно широкое признание. Несмотря на марксистскую теоретическую базу (а может быть, и благодаря ей), эта работа не была "политически ангажированной". Она не работала на оправдание реальной политики в сфере труда и производства.

Наоборот, в книге впервые был эмпирически зафиксирован уровень удовлетворенности-неудовлетворенности трудом у рабочих в промышленности, характерный для советского общества начала 1960-х гг. При этом в ходе аналитической работы было предложено весьма оригинальное обоснование собственно социологического подхода в изучении отношения к труду. А именно - разделение факторов, гипотетически на него влияющих, на факторы общесоциетальные и специфические. К общим факторам мы отнесли все обстоятельства, имеющие идеологический смысл (например, общественная собственность на средства производства), и заявили, что в рамках данного исследования они нас не интересуют, поскольку касаются в равной мере всех членов общества. Иное дело - факторы специфические, связанные с реальным разделением труда в сфере промышленного производства или организации зарплаты. Именно последние и стали предметом изучения, что, по сути, предоставляло важные аргументы в пользу изучения широкого круга социальных проблем. Задача такого рода исследований, опирающихся на богатый и систематизированный материал, состояла в сопоставлении идеологических формул оценок тех или иных жизненных реалий и восприятию этих реалий на уровне массового или группового сознания⁴.

В этом же направлении работали и иные возникавшие тогда группы, позиционирующие себя в социологической профессиональной сфере. С одной стороны, социологические коллективы возникали как некие острова не только в Москве и Ленинграде, но и по всей стране: Новосибирск, Пермь, Владивосток, Таллин, Тбилиси стали вторым эшелонem профессионализации социологии. С другой стороны, формировалась неформальная сеть общения, основными составляющими которой были конкретные персонажи: Г. Андреева, Б. Грушин, Ю. Замошкин, И. Кон, Н. Лапин, Ю. Левада, Г. Осипов, З. Файнбург, В. Шубкин, позже Т. Заславская. Значительная часть этих социологов первого поколения обладала, наряду с индивидуальным талантом, влиятельным социальным капиталом: возможностями работы с учениками и последователями. Ситуация в этой среде была проникнута взаимопониманием и взаимной поддержкой. Общая идеологическая платформа, озвученная в некоторой совокупности текстов, состояла в обособлении от мира официальной философии (что вовсе не означало обособления от марксизма) и в неременной квантификации исследовательского процесса. Третий объединяющий момент состоял в открытости по отношению к миру, которая не была стеснена соображениями конкуренции в своей среде.

⁴ Такая интерпретация была предложена Ю. Замошкиным. Разумеется, такого рода суждения не могли обсуждаться открыто, что свидетельствовало об автономности профессиональной среды, которая вряд ли могла защитить себя от контроля со стороны государственных инстанций. В то же время Ю. Левада предложил по возможности не употреблять термин "буржуазная социология", ссылаясь на авторитет своего семинара.

Обозначенная выше сеть характеризовалась определенной структурой. Думаю, не ошибусь, если обращу внимание на двоецентрие в масштабах страны: ленинградская группа выступала в качестве производителя идей - замыслов исследований и методических разработок. Московская группа была более разнообразна и в основном признана в качестве организационного центра, поскольку стояла ближе к общесоюзным центрам принятия решений по поводу науки в целом. Ближе, в данном случае, означало устойчивые связи с работниками аппарата ЦК КПСС, поддерживавших или содействовавших восстановлению социологической культуры.

В конце 1950-х начале 1960-х гг. происходит кристаллизация исследовательских интересов в таких областях, как изучение социальных проблем труда⁵, анализ *механизмов* развития современного общества (Заславская, Р. Рывкина), выявление закономерностей динамики социальной организации (Лапин), понимание взаимоотношений между индивидом, социальной группой и личностью (Шубкин, Кон, Андреева), постановка вопроса о роли общественного мнения и массового сознания (Грушин), восприятий официальной пропаганды⁶.

Можно ли выделить какие-либо общие черты в сложившихся подходах? Во-первых, отвращение к общепрофессиональной риторике об обществе вообще, о самодвижущихся формациях, и в противоположность этому - концентрация внимания на отношениях "коллектив - личность", поворот к исследованию реальных интересов людей и групп. Во-вторых, научная смелость, как в постановке вопросов, так и в поисках ответа на них. Некоторые авторы (Грушин) отказывались от ссылок на работы классиков, другие использовали эти ссылки в качестве общих формул, требующих верификации. Таким образом осуществлялось сопоставление идеологических оценок и реального положения дел в обществе. Данный метод означал выработку умения "пройти на грани дозволенного". В то же время социологи получали данные, указывавшие на необходимость коррекции идеологических оценок.

В-третьих, стремление выйти на мировой уровень развития, использовать возможности, открывающиеся в связи с "оттепелью" и включением советской социологии в систему мировой социологии. В-четвертых, попытки осмыслить те вопросы, которые ставили перед обществом документы и материалы XX съезда КПСС. Доклад Н. Хрущева при всей кричащей остроте не содержал теоретического объяснения приведенных фактов. "Культ личности" стал как бы конечной теоретической формулой и рассматривался в рамках отклонения от подлинного марксизма. Поэтому возникало ощущение недосказанности, открывающее перспективы разрушения установленного консенсуса. Вопрос о более глубоких основаниях этого культа, включая общий уровень политической культуры в стране, необходимость подготовки к войне и сами последствия победы, оставался открытым⁷. Недодуманные вопросы превращались в темы внутренней работы. И здесь каждый шел у же своим путем.

В-пятых, опора на марксизм, в особенности на ранний марксизм. Восстанавливаемый образ Маркса оставался своего рода символом интеллектуального бесстрашия, глубокой эрудиции и свободы мысли, а сталинская версия марксизма представлялась ущербной и убогой, рассчитанной на малограмотные слои населения.

⁵ В этой области в 1960-е гг. работали лаборатория социологических исследований ЛГУ под руководством В. Ядова и автора этих строк, Г. Осипов и С. Фролов (Свердловский проект), З. Файнбург (Пермь), В. Подмарков (Москва).

⁶ В 1969 г. ограниченным тиражом и для служебного пользования была напечатана книга "Пропаганда и ее восприятие", написанная мною на материалах сравнительного исследования аудитории СМИ в Ленинграде и Пензе. Тираж ее был уничтожен по указанию ЦК КПСС.

⁷ Более основательную трактовку причин "культа личности Сталина" предпринял в 1972 - 1974 гг. Л. Карпинский. В своем незаконченном тексте "Слово есть дело" [Пресса... 2002] он предложил организовать общепартийную дискуссию по наиболее острым вопросам теории социализма, и прежде всего по вопросу о характере власти. Этот вполне марксистский текст был изъят органами госбезопасности, его автор исключен из партии, отстранен от исследовательской работы. Был восстановлен в КПСС в 1988 г., после чего вышел из партии добровольно.

Подавляющая часть интеллигенции рассматривала подлинный марксизм как решающее средство понимания действительности. Вот как об этом писал Г. Батыгин: "Уходя корнями в интеллектуальную традицию Просвещения и обнаруживая глубокое сходство с великими социальными учениями XIX века, марксизм обладает огромным объяснительным потенциалом. Ясность и логическая стройность его категориальных схем удивительным образом совмещаются со способностью к версификации. Этим, вероятно, объясняется и многообразие "авторских" исследовательских программ и концепций, разработанных в рамках доктрины. Поэтому советский марксизм - не столько доктрина, сколько эзотерический код, значения которого зависели от интерпретативной позиции автора. Этот код мог успешно использоваться и в качестве средства для воспроизводства альтернативных марксизму идей" [Российская... 1999, с. 12] (Л. Ионин считает ошибкой современного поколения российских социологов разрыв с марксизмом).

Но обозначенные выше свойства и качества интеллектуальной деятельности представлялись крайне опасными тенденциями для определенной части партийного аппарата. От всех этих инноваций исходило неопределенное ощущение угрозы. Это с очевидностью выявилось в 1968 г. В то время как в европейских странах и США этот год характеризуется студенческими революциями, породившими спрос на новые формы социологического мышления, "социалистический лагерь" переживал серьезный идеологический и политический кризис, связанный с силовым подавлением "пражской весны". Кризис был разрешен, вернее, отложен еще на двадцать лет⁸! Естественно было предположить, что и в СССР могут повториться аналогичные события. В целях их предотвращения и была организована перетряска Института социологии АН СССР.

Этот поворот не походил на репрессии сталинского типа. По отношению к уже сформировавшейся группе социологов чисто эмпирически был применен метод "управления конфликтом". Почти все шестидесятники получили некоторые дивиденды в личном плане. Так, именно в конце 1960-х - начале 1970-х гг. они защищают докторские диссертации, становятся профессорами (но без кафедр). И в это же время происходит обновление кадров в Институте конкретных социологических исследований (ИКСИ) АН СССР.

В самом конце 1960-х гг. организовано обсуждение лекций Левады, которое, по сути, означало решающую веху в переломе ситуации в советской социологии. А. Румянцев и Левада стали символическими фигурами, не поддерживаемыми партийным руководством. М. Руткевич, Т. Рябушкин, В. Иванов символизировали противоположную ориентацию - сохранения той социологии, "которая нам нужна". Общая установка ЦК КПСС и Академии общественных наук при ЦК КПСС, вытекающая из обсуждения лекций Левады, может быть сформулирована следующим образом: социология должна быть "на привязи"; она не должна касаться тематики политического характера. Ее место - в прикладных науках, во всяком случае, социологические теории не должны выноситься на широкое обсуждение. Так закончился первый социологический прорыв, о смысле которого было не принято говорить более 15 лет. Но несмотря на разгром советской социологии в начале 1970-х гг.⁹ и на неизбежное преобразование поля социологии, связи сохранялись.

Во второй половине 1960-х гг. был создан "ресурс перестройки", который долго оставался не задействованным в реальном политическом процессе. Теперь *ex post factum* можно сказать, что данный ресурс был замороженным.

⁸ Активную роль в обосновании перемен сыграли социологи Чехословакии (например, П. Махонин). В эти же годы З. Бауман эмигрирует из Польши в Великобританию.

⁹ Такая оценка ситуации после назначения директором ИКСИ АН СССР Руткевича дана в большей части интервью, опубликованных Батыгиным в 1999 г. Иная позиция выражена в интервью Руткевича и Н. Пилипенко. Первый из них утверждает, что изгнание ведущих социологов из института "было predetermined более высокими инстанциями" (при этом названа фамилия П. Федосеева - вице-президента АН СССР по общественным наукам), а второй полагает, что кадровое обновление ИКСИ АН СССР пошло ему на пользу. Вот характерная фраза: "Вместо ушедших из института по разным причинам (?) докторов наук Б. Грушина, Ю. Левады, И. Кона, В. Шубкина... и других привлекли на работу профессора Ф. Филиппова, Л. Рыбаковского, И. Левыкина, В. Коробейникова, А. Харчева, В. Иванова, В. Сбытова и других" [Российская... 1999, с. 339]. Трудно найти более конкретную формулировку полного переструктурирования поля социологии!

Новосибирский манифест - прорыв к свободе

Следующий значимый разворот этой же проблематики связан с докладом Заславской, представленном на новосибирской конференции 1983 г. Эта конференция должна была обсудить программу преподавания социологии студентам экономического факультета, но превратилась в обсуждение доклада Заславской, который был посвящен анализу истоков застоя советской экономики. Она увидела эти истоки в том, что *"действующая система производственных отношений существенно отстает от уровня развития производительных сил*. Вместо того чтобы способствовать их ускоренному развитию, она все более превращается в тормоз их поступательного движения" [Заславская, 2002, с. 23]. Замечу, что этот тезис, опиравшийся в методологическом плане на "Введение. К критике политической экономии" Маркса (1859 г.), вступал в открытое противоречие с целой областью знания - "политической экономией социализма", с позицией Института экономики АН СССР, с мнением видных авторитетов того времени в области советской экономики. Тезис о тормозящей роли производственных отношений социалистического общества или хотя бы о "несоответствии определенных элементов этих отношений" "характеру и уровню развития производительных сил общества" в это время не мог быть сформулирован в рамках экономического сообщества. Он мог получить поддержку и понимание только в иной профессиональной среде - в среде социологов.

В докладе, получившем впоследствии название "Новосибирского манифеста", Заславская не ограничилась абстрактным сопоставлением производительных сил и производственных отношений. Как социолог она пошла дальше, пытаясь ответить на вопрос: как осуществляется управление производственным процессом? Выяснилось, что организация труда при социализме стимулирует уклонение от ответственности и инициативы и наказывает за стремление к творчеству и инновации.

Заславская обосновала необходимость качественной перестройки экономических отношений, их перехода от административных методов к экономическому управлению поведением человека в разных областях его жизни, и прежде всего в трудовой сфере. Следующая тема доклада - кто же заинтересован в переходе к экономическим методам управления? В этой связи и возникает вопрос о структурировании самого общества - о выделении основных групп по отношению к некоторой общесоциальной, социетальной проблеме.

Итак: прорисованная линия теоретизирования выглядит следующим образом: **состояние производственных отношений** эмпирически верифицируется **в уровне и характере организации производства; организация производства** представляет собою решающее звено в **стимулировании (или дестимулировании) трудового поведения**; оно (стимулирование) сказывается на **интересах трудящихся, на мотивации их трудовой деятельности**, а последняя фиксирует **отношение к собственному положению (осознание интересов)**. В последующих работах эта цепочка взаимосвязей будет построена вовлечением в нее отношений к высшим этажам государственной власти, к политике и политическим институтам. По работам Заславской можно проследить, как экономическая мотивация (недостаточное развитие ее) приводит к негативной политической мотивации. Недовольство результатами труда, неудовлетворенность неиспользованным потенциалом самого работника и уравнительной политикой в области заработной платы переносятся на недовольство политическим устройством общества. Именно в выстраивании такой причинно-следственной зависимости, вполне отчетливо прописанной в совокупности публикаций Заславской, состоит предложенная ею базовая теоретическая парадигма.

Выводы, сформулированные Заславской, были представлены достаточно отчетливо. Они вполне могли бы стать предметом общенациональной дискуссии, если бы власти того времени оказались дальновидными. Однако этого не случилось. Для лиц у власти и при власти широкое обсуждение реальных проблем экономического развития страны было противопоказано, несло угрозу их собственному положению, то есть "интересам власти". В то же время публикация "Новосибирского манифеста" на страницах зарубеж-

ной прессы вскоре после окончания конференции стала уже тогда одним из важных свидетельств проницаемости границ и изменения современного мирового пространства. Доклад Заславской, несмотря на строгий гриф секретности, вышел далеко за пределы служебных функций, стал событием общенационального и международного значения, показывающим, что может дать практике подлинно научная проработка социальных проблем. Во многих российских и зарубежных источниках этот доклад не без оснований рассматривается как теоретическая платформа перестройки.

Значимость доклада определялась тем, что анализ советской экономики был сделан с позиций марксистской социологической традиции. В нем констатировалась ситуация кризиса - тупикового состояния, при котором осознавалась и чувствовалась необходимость радикальных изменений, и в то же время не было активных сил, стремящихся к этим изменениям, готовых принять на себя ответственность за возможные перемены. В докладе не было элементов диссидентства и тем более отказа от "советского прошлого". Он указывал на существовавшие в то время ресурсы саморазвития советской системы, но чтобы эти ресурсы могли быть реализованы, необходимо было **предпринять властное усилие**. Усилие в первую очередь интеллектуальное и организационное, направленное на изменения системы отношений в обществе так, чтобы возродить интерес людей к своей работе, точнее говоря, работа для каждого могла бы стать - хотя бы частично - его собственным делом. Но к этому интеллектуальному усилию политическая власть оказалась не готовой.

Перестройка и ее социологический анализ

Избранный в марте 1985 г. на высший руководящий пост М. Горбачев еще примерно два года после получения своих полномочий занимался поисками вариантов обновления экономической и социальной политики. Первые попытки состояли в том, чтобы возвратиться к идеям 1960-х гг. Они произвели глубокое впечатление не только на социологов, историков и гуманитариев широкого профиля, но и на определенную часть партийного и государственного аппарата. Однако к 1987 г. пришло осознание того, что "новое вино нельзя вливать в старые меха", что нужно перестраивать систему политического руководства страной, независимо от последствий возвращения людей к свободе.

Нужно идти на риск радикальных перемен, и в этом курсе риска, названного перестройкой, можно было опереться на некоторые научные силы в лице социологического наследия шестидесятников. Их необходимо было вернуть к жизни. Одна из самых важных акций в этом направлении состояла в организации Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Его директором стала Заславская; Грушин и Левада - ее заместителями. Систематическая публикация итогов опросов населения по актуальным вопросам общественной жизни и социальной политики благодаря этому учреждению превратилась в важный институт демократизации. Через некоторое время обновилось руководство Института социологии АН СССР, директором которого был назначен Ядов. Далее, в июне 1988 г. Политбюро ЦК КПСС приняло Постановление "О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении ключевых проблем советского общества" (подробнее см. [Фирсов, 2001]). На его основании Минвуз СССР принял решение об открытии первых социологических факультетов в стране. Такие факультеты были открыты в 1989 г. в ленинградском и московском университетах.

Новые идеологические ориентации способствовали упрочению позиций социологии как области знания в системе иных обществоведческих дисциплин. Но этот процесс наталкивался на жесткое сопротивление преподавательского корпуса обществоведов, который в свое время формировался в качестве части идеологического и пропагандистского аппарата КПСС.

Наиболее основательный анализ трансформаций российского общества предпринят Заславской в ряде ее публикаций. При этом по ряду важных позиций она пересматривает свои более ранние позиции, поскольку сама жизнь круто меняется на рубеже 1990-х гг. Если в конце 1980-х гг. Заславская называет перестройку второй социалисти-

ческой революцией, то в публикации 2002 г. оценка событий более чем десятилетней давности выглядит следующим образом: "...новой социальной революции в России не было. В действительности имела место эволюция, в основе которой лежало, однако, не постепенное и последовательное развитие, а *цепочка сменяющих друг друга кризисов*. Исходный подъем демократических движений, соединившихся с национально-освободительными, завершился распадом СССР. Радикальные либерально-демократические реформы фактически вылились в *ограбление общества горсткой в общем случайных людей* (курсив мой. - А. З.). Начавшаяся затем спонтанная трансформация в условиях отсутствия у правящей элиты стратегии и политической воли имела следствием... крайнее ослабление государства и тотальную криминализацию общества" [Заславская, 2002, с. 189].

Некоторые констатации этой цитаты можно принять за точную характеристику произошедшего. Действительно, с 1989 г. до конца XX в. наблюдается *цепочка сменяющих друг друга кризисов*. Но сама эта цепочка нуждается в более основательном теоретическом объяснении. Каждый из них - результат конфликта противоборствующих сил, причем суть вопроса в том, что эти силы: а) подчас не стремятся к тому, чтобы публично зафиксировать свое существование и степень влияния на принимаемые решения; б) быстро сменяют друг друга на протяжении всего десятилетия.

Это заметно по персональному составу правящей элиты. Причем на политической арене состав действующих лиц сменяется гораздо чаще, чем в пространстве экономики. *Распад СССР в данном контексте - ключевое событие. Он все еще взывает к более основательному социологическому анализу!* Тезис о "горстке случайных людей" может быть поставлен под сомнение основательными исследованиями российской политической и экономической элиты.

Несколькими строками раньше в той же публикации Заславская дает следующую оценку произошедшему: "Наиболее соответствующей реальности мне представляется концепция, согласно которой в конце 1980-х годов в СССР назревала народно-демократическая революция, направленная против власти номенклатуры. Ее цель виделась в замене авторитарно-бюрократического общественного устройства либерально-демократическим. Движущей силой... был "средний класс" советского общества, представленный хорошо образованной, квалифицированной, но социально и политически ущемленной и не удовлетворенной своим положением интеллигенцией. Ее лозунгом было совершенствование социализма, придание ему демократического лица, расширение прав и свобод человека, повышение благосостояния народа. Революционно настроенной части общества противостояла политическая номенклатура, опиравшаяся на партийно-государственную бюрократию. Демократические силы общества, едва освободившиеся от тоталитаризма, были слабы, организационно и идейно разобщены... Многоопытная номенклатура, в руках которой находились все значимые ресурсы общества, легко оттеснила демократов от ведущих позиций и предотвратила народно-демократическую революцию" [Заславская, 2002, с. 188,189].

В выдвинутом тезисе нетрудно заметить отголоски теории классовой борьбы как движущей силы революционных преобразований. Вместо буржуазии и рабочего класса в качестве полярных сил выступают "номенклатура" и "народ", или "средний класс, возглавляемый передовой интеллигенцией". На одной стороне, как и в теории классовой борьбы, сосредоточено зло, на другой - добро. Но эти суждения плохо увязываются с реальными событиями. Поставлю лишь несколько вопросов:

- Горбачев - на стороне народа или номенклатуры?

- какова была реальная роль "национально-русского" компонента в демократическом движении?

- что означал лозунг республиканских суверенитетов? Как в этом процессе преобразований участвовали интересы военно-промышленного комплекса?

- что такое постсоветская Россия?

- наконец, как оценить значение раскола в верхних этажах партийного руководства, наиболее драматическим образом проявившегося в организации августовского путча 1991 г.?

Этот раскол уже просматривался и ощущался в ходе последних съездов и пленумов КПСС. Его можно было наблюдать эмпирически уже в тот момент, когда Б. Ельцин был снят с поста Первого секретаря Московского городского комитета КПСС. Поворот в сторону советов означал формирование нового - непартийного - канала политической социализации. А избрание Ельцина народным депутатом СССР стало символом слабости прежнего руководства: его политический союз с межрегиональной группой (в том числе и с А. Сахаровым) означал допустимость, возможность нового политического и экономического курса развития страны.

Общая же атмосфера того времени была пронизана ощущением освобождения от "пут прошлой - тоталитарной - системы", сковывающих стремительное движение вперед, в неизвестность, которая представлялась и массовому сознанию, и сознанию интеллектуальной элиты несомненным благом. Десталинизация стала своего рода знаменем этого краткого и насыщенного событиями периода. Советский период истории стал рассматриваться преимущественно сквозь призму ГУЛАГа, даже победа над фашизмом отошла на задний план как нечто якобы не столь уж важное в сравнении с преступлениями сталинизма. Чтобы войти в новую власть, нужно было предъяснить счет к старой, изобразить себя действительной или мнимой жертвой "коммунистического режима".

Парадокс истории в данном случае состоял в том, что Ельцин не мог бы стать Президентом РФ, если бы не был обижен прежним руководством, частью которого он был сам! Новая власть сплотилась не на основе ясных теоретических представлений о необходимости смены прежнего строя, а на базе личных обид. Вместо самодовольной и всезнающей бюрократии к власти пришла обиженная демократия, использовавшая свои потери в качестве исходного политического капитала. Борьба личных самолюбий и амбиций, разумеется, присутствует и в классовой борьбе, но тут общие интересы класса берут верх над личными интересами. В нашем же случае политическое самосознание так и осталось на уровне легитимизации личных амбиций. Обиженная демократия не смогла выдвинуть из своей среды крупномасштабного лидера или лидирующей группы, так как ее общее самосознание ориентировалось прежде всего на реванш по отношению к прошлому. Важно было как можно скорее обеспечить необратимость перемен. Рычагами необратимости стали распад СССР и приватизация - главные "достижения" ельцинского политического режима. "Ослабление государственной власти" и "криминализация общества" - закономерные следствия обиженной демократии.

Совокупность поставленных вопросов подводит к мысли о новом качестве, сложившемся уже в советский послевоенный период. Оно состояло в огромном усложнении общества в сравнении с 1930-ми гг., в котором на самом деле еще присутствовал классовый компонент. Общество стало гораздо более дифференцированным, многослойным. Его социальные слои стали носителями более разносторонних интересов. Система управления этим обществом оказывалась все более архаичной, не соответствующей реальному многообразию общественных групп и разнонаправленных интересов. В результате этого исходного противоречия долго вызревали **многообразные конфликты**, которые в период перестройки **начали действовать одновременно и вдруг**.

Сама перестройка была попыткой найти новые формы управления более сложным целым. Она удалась и не удалась. Не удалась в смысле очевидных потерь в составе государства, надежд на беспрепятственное утверждение норм демократического поведения и усвоения гуманистических ценностей. Удалась в том смысле, что эти формы управления в конце концов были найдены, и Россия все в большей мере стала восприниматься как нормальное государство. Разумеется, процесс преобразований еще не завершен, но общество стало осознавать и ценить легитимные пути социальных и социетальных преобразований.

Российскому обществу требуются знание о самом себе, рефлексия по отношению к каждому моменту своего существования и своего сознания. Обращу внимание на один

из решающих с этой точки зрения тезисов, выдвинутых в цитируемой книге Заславской. Речь идет о невозможности использовать для объяснения преобразований как бы признанные методологически значимые теоретические конструкции, выработанные при анализе событий мировой и отечественной истории. По ее мнению, и теория общественно-экономических формаций (а следовательно, замечу, и теория классовой борьбы), и теория модернизации неприменимы к анализу проблематики России и современного мира. "Отсутствие общенаучного представления о типологическом пространстве, в котором протекают посткоммунистические трансформационные процессы, по сути, исключает возможность ответа на поставленный выше вопрос (вопрос о том, насколько глубоко в качественном отношении изменилось российское общество за последние десять лет. - А. З.). Исследователи, как и подавляющее большинство россиян, признают, что по сравнению с началом 1980-х годов общество стало качественно иным, но *обобщенной типологической* оценки произошедших качественных изменений пока не дают" [Заславская, 2002, с. 561]. Короче говоря, общество стало иным, но каким? Мы не знаем!

Период реформ в зеркале социологии

Высказанный выше тезис не следует понимать как признание теоретического бессилия. Скорее, это признание теоретической открытости, возможности в последующем выстроить такую типологию. Замечу, что все прежние типологические конструкции, положенные в основание классификаций конкретных обществ, были выработаны в ходе более или менее глубокого сравнительного анализа истории многих стран. Эти "типологические пространства" "работали" как в теоретических построениях, так и в практической политике, которая подчас ориентировалась на идеологический смысл соответствующих классификаций. XXI в. - век глобализации, ориентирующейся на многообразие культурных взаимодействий. Однолинейные схемы и оппозиции дуальных противоположностей вряд ли уместны в этом контексте. Выяснение особенностей России как субъекта мировой истории, разумеется, и здесь остается задачей социологического теоретизирования.

Для более глубокого понимания вопроса важны прежде всего полнота анализа и, следовательно, обозначение границ начал глубоких преобразований в общественной жизни. Под преобразованиями я имею в виду не то, что провозглашается, а то, что реально происходит, и потом - может быть, через десятилетия - оказывает воздействие на весь ход событий и на структуру сознания. В этом, как мне представляется, - ключ к загадке "непредусмотренных последствий социального действия", широко обсуждаемых в современной социологии. С данной точки зрения для России особенно важны были военные и послевоенные годы. Разумеется, нетрудно понять, что окончание Великой Отечественной войны (как и сама война, ее начало и исход) было важнейшей вехой в отечественной истории. Но что было потом?

Я отметил бы испытание атомной бомбы 29 августа 1949 г. - еще при жизни Сталина, затем, 20 августа 1953 г. - испытание водородной бомбы - уже после смерти Сталина и за 30 лет до вышеупомянутого доклада Заславской. Создание и испытания новых образцов вооружений не было событиями, включенными в массовое сознание в качестве культурных феноменов. Но несомненно, что они самым существенным образом воздействовали на характер общественных отношений. С одной стороны, они существовали как стягивающие узлы сложных социальных процессов, сопряженных с милитаризацией экономики и общественной жизни в целом. С другой стороны, это были компоненты подсознания, которое, как оказывается, гораздо сильнее воздействует на практическое поведение, чем рациональная, осмысленная, вербализованная мотивация. Социальная роль этих событий состояла в том, что они знаменовали **новое качественное состояние мира в целом, мира стран, людей и природы.**

Потребовалось еще более десятка лет для того, чтобы осмыслить главное социальное следствие этих событий: мир благодаря гонке вооружений был поставлен на грань

уничтожения. Приоритет в осмыслении этих процессов принадлежит тому, кто участвовал в этих испытаниях, - академику Сахарову, который именно за это усилие мысли и был подвергнут репрессиям.

Возможно, именно осознание этого факта стало для нового политического руководства СССР не менее важным стимулом перестройки, чем внутренние проблемы дестимулирования трудовой деятельности. Если данная гипотеза верна, то следует признать, что главная альтернатива развития советской экономики находилась не в области распределения произведенного национального продукта, а в *сфере целеполагания*. Она выглядела так: производство вооружений в целях поддержания военно-стратегического паритета *или* производство предметов народного потребления и обеспечение благосостояния. Без четкого ответа на этот вопрос нельзя понять, в чем же причины современной бедности россиян. Дело, по-видимому, не в наличии богатства как такового, а в его использовании. Слабая экономика не могла бы поддерживать паритет с Западом в основных видах вооружений. Но для того чтобы поддерживать паритет, советское общество должно было от многого отказаться.

Изменение общества означает радикальное изменение механизмов ориентирования экономики. Что производится? Этот вопрос решается теперь с помощью маркетинга путем выяснения ниши рынка. Оказывается, что глобальная экономика сохраняет спрос на производство вооружений - наиболее важную составляющую советской экономики. Вместе с тем в Москве и в других городах России остается невыгодной, убыточной предпринимательская деятельность в сфере развития учреждений общественного питания. Рынок не диктует привлечения капитала в эту чрезвычайно важную отрасль. В целом в общетеоретическом плане надежды на "невидимую руку рынка", благотворно влияющую на экономику и ведущую к "обществу благосостояния", оказались тщетными. В действие экономических интересов вплелись, с одной стороны, неумная жадность тех, кто использовали приватизацию в целях наживы, не заботясь об обновлении основного капитала и о перспективах предприятия как такового. С другой стороны, сыграла свою роль привычка к бедности - пагубный для нации габитус отказа от усилия ради улучшения собственной жизни, неверие в то, что этой лучшей жизни можно на самом деле добиться при определенных усилиях. Поэтому реформирование российской экономики пошло по пути выделения из общей массы населения немногих при одновременном обнищании огромной массы населения.

Сам характер реформирования исходил из таких образцов, который предполагал более высокий уровень культуры и организации труда, более развитую систему профессионального разделения труда, большую готовность общества к борьбе за свои права и интересы. Заславская в этой связи напоминает реформаторам 1990-х гг.: "...национальный характер и уровень социального развития россиян резко отличаются от граждан США, Европы, Японии и других стран, у которых мы пытаемся перенимать те или иные демократические и рыночные институты. В связи с этим почти любое начинание, давшее замечательные плоды в этих странах, при "пересадке" на русскую землю перерождается в нечто уродливое, глупое и совершенно неподходящее. И происходит это из-за специфических качеств нашего человека" [Заславская, 2002, с. 151].

Тезис о "специфических качествах нашего человека", безусловно, спорен, но ведь смысл всего высказывания в призыве всестороннего изучения практики реформаторской деятельности. Без такого изучения, без экспериментирования в области организации труда и создания структур гражданского общества мы неизбежно будем сталкиваться с непрогнозируемыми последствиями реформаторства. "Политики, взявшиеся за осуществление реформ в начале 1990-х годов, - пишет по этому поводу Заславская, - недооценили огромный потенциал негативной энергии, накопленный советским обществом. Результатом высвобождения этой энергии стал невиданной силы выброс нелегитимных и криминальных новаций" [Заславская, 2002, с. 502].

Социология и в период реформ сохранила свой институциональный статус и общественное признание. В 1990-е гг. был создан ряд центров, специализирующихся на изучении общественного мнения и сдвигов в массовом сознании, пресса стала систематически

публиковать данные опросов, а также другую социологическую информацию. В этот период головной академический институт разделился на два самостоятельных учреждения - Институт социологии РАН и Институт социально-политических исследований РАН. Институт теории и истории социализма (бывший Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС) преобразовался в Российский независимый институт социальных и национальных проблем.

За эти годы в России была издана социологическая классика (М. Вебер, Э. Дюркгейм, П. Сорокин, Т. Парсонс), переведены несколько апробированных учебников. Выпущена масса учебников по социологии российских авторов.

Кроме "Социологических исследований" стали выходить еще несколько периодических изданий, среди которых "Социологический журнал" (учредитель - Институт социологии РАН) и "Вопросы социологии". С 1994 г. издается информационный бюллетень "Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения", издававшийся совместно Интерцентром и ВЦИОМом, преобразованный с 2004 г. в "Вестник общественного мнения", издаваемый Левада-Центром. Социологический факультет Санкт-Петербургского университета подготовил несколько изданий по современной социологической теории и стал выпускать "Журнал социологии и социальной антропологии".

Один из важнейших факторов изменения положения дел в общественных науках в России состоял в том, что идеологические кафедры в системе высшего образования были преобразованы в кафедры социологии и политологии. Изменение названия сопровождалось и изменением содержания преподавания, пересмотром учебных программ на основе западноевропейской и американской моделей с учетом того вклада в социологическое мышление, который был сделан российскими учеными. В значительной мере этому содействовало издание фундаментального труда "Социология в России" (1998), подготовленного авторским коллективом под руководством Ядова.

Вместе с тем социальный кризис, переживаемый обществом, не может не сказаться на положении дел в социологии. Здесь, как и во всем обществе, обнаруживается противостояние в оценках ситуации, возникшей в связи с радикальными методами осуществления реформ.

Наиболее заметные процессы в российской социологии 1990-х гг. состоят в явной социологизации СМИ; в углублении специализации в различных направлениях социологической проблематики, в частности в утверждении экономической социологии в качестве самостоятельной дисциплины; в отходе от позитивистской интерпретации социологии и в этой связи в более активном использовании качественных методов исследования; во включении российских социологов в мировой социологический дискурс; в реформировании преподавания социологии как учебной дисциплины. Данные процессы привели к известной автономизации социологии от политических пристрастий, к более углубленному подходу в самых разных направлениях исследовательской деятельности.

Итоговые суждения о быстро развивающейся области знания противоречивы. Ядов склонен к оптимистической оценке положения дел в социологии, исходя из уверенности в притоке сил молодых и современных исследователей, посвящающих себя профессии как главному делу жизни. Эта молодежь получает прекрасное социологическое образование, какого не могли иметь российские социологи прежних поколений. Заславская - признанный лидер новосибирской социологической школы, ориентирующейся на исследование макропроцессов, отмечает плодотворность контактов россиян с европейской и американской социологией и вместе с тем подчеркивает, что эффективное использование западных теорий в российских условиях "предполагает их критическое переосмысление, что требует очень серьезной работы" [Заславская, 2004, с. 18]¹⁰.

¹⁰ Замечу, что критическое переосмысление такого рода может быть построено на основе сравнительного анализа социологии в разных странах, рассматриваемых в контексте культур.

Д. Константиновский, А. Овсяников и Н. Покровский в совместном аналитическом докладе приходят к весьма противоречивым оценкам состояния социологического образования [Константиновский, Овсяников, Покровский, 2004]. Ионин утверждает вторичность российской социологии, ее неспособность выработать собственно российскую повестку дня, которая бы отвечала специфике российских преобразований. Он подчеркивает, что тематика исследований и характер теоретических конструкций западной социологии не отвечают и не могут отвечать российским реалиям. С одной стороны, он утверждает, что российская социология отстает от западной на десятилетия, с другой - что "образование в российских университетах не хуже, чем в университетах западных" [Ионин, 2005, с. 258,267].

Резюмируя эти оценки, можно прийти к выводу, что нынешняя ситуация в российском поле социологии не может быть оценена однозначно. И эта неоднозначность не может быть объяснена лишь с позиций полипарадигмальности.

Российская социология сегодня связана с американской, французской, немецкой, британской социологическими школами, направлениями и соответствующими университетами. В этом состоит ее преимущество, так как она не замкнута в рамках некоторой самобытной ортодоксии, под какими бы лозунгами эта ортодоксия не утверждалась. Есть лишь одно, как мне представляется, неперемное условие плодотворности этого поля - преодоление известного налета снобизма, окрашенного в соответствующие цвета. И вместе с тем формирование уважения к собственным национальным традициям социального мышления и социологического знания¹¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Заславская Т. И. Современное российское общество. Социальный механизм трансформации. М., 2004.

Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества. М., 2002.

Ионин Л. Г. Парадоксальный сон. Статьи к эссе. М., 2005.

Козлова Н. Н. Горизонты повседневности советской эпохи (голоса из хора). М., 1996.

Константиновский Д. Л., Овсяников А. А., Покровский Н. Е. Программы Национального фонда подготовки кадров и обновление социологического образования в России // Социологический журнал. 2004. N 3/4.

Пресса в обществе. М., 2002.

Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах. СПб., 1999.

Фирсов Б. М. История советской социологии 1950 - 1980-х годов. Курс лекций. СПб., 2001.

Человек и его работа в СССР и после. М., 2003.

¹¹ Полагаю, что наиболее конструктивным является поколенческий подход в оценке современной российской социологии. К социологам-шестидесятникам, еще активным сегодня, относятся В. Ядов, Н. Лапин, Ю. Левада, Т. Заславская, О. Шкаратан, Р. Рывкина, Ю. Давыдов, В. Кудрявцев, автор этих строк. Каждый из названных ученых опирается на собственную теоретическую конструкцию, которая не во всех случаях является эксплицированной. Следующее поколение - примерно на 20 лет моложе - представлено А. Филипповым (социология пространства), Л. Иониным (социология культуры и вступления мира в "магическую эпоху"), Н. Покровским (процессы глобализации), В. Радаевым (экономическая социология), И. Девятко (история социологии и методология исследований), В. Ильиным (социальная структура) и многими другими. В данном случае выделение имен осуществлено на основе определенного теоретического ресурса, которыми располагают названные авторы. К сожалению, этот ресурс не является взаимопризнанным, в результате чего и возникает тезис, что теоретической социологии в России не существует.